

УДК 347.122

Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств

Гаврилов В.Н.

Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

Рафиков Р.М.

Студент Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

В статье рассматриваются проблемы определения места криптовалюты в системе объектов гражданских прав. На основе анализа зарубежного и отечественного законодательства, выработанных в доктрине положений и российской судебной практики авторы приходят к выводу о наиболее целесообразном отнесении криптовалюты (исходя из ее функционального назначения) к категории иного имущества. Выявлено, что одним из ключевых недостатков проекта ФЗ № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» является отсутствие в настоящем российском гражданском законодательстве достаточных способов защиты вводимого объекта гражданских прав – цифровых прав, что требует доработки и дополнительного уточнения в ГК РФ в случае окончательного принятия законопроекта.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, гражданский оборот, правовая природа, объекты гражданских прав, деньги, средство платежа, вещи, имущество, товар, цифровые права.

Развитие информационных технологий в эпоху глобализации, вызвавшее структурные сдвиги в мировой экономике и породившее новые виды общественных отношений, обусловило возникновение криптовалюты (от греч. *kryptos* – «скрытый») – относительно нового и перспективного цифрового актива, обладающего рядом исключительных свойств, особо востребованных при стремительно меняющемся товарно-денежном обороте. В условиях финансово-экономических кризисов, приводящих к снижению уровня доверия населения к банкам и государственным валютам, именно криптовалюта (существует не менее тысячи ее видов, самые из-

вестные – *Bitcoin, Ethereum, Litecoin, Dash, Ripple, Waves* и др.) как альтернативное средство платежа, обмена и накопления стала объектом живого интереса со стороны граждан, бизнеса и государства, что предопределяет актуальность исследований данного явления.

Общая капитализация криптовалют и количество их обладателей постепенно растут и сохраняют тенденцию к увеличению [1]. Они все более прочно входят в гражданский оборот, что создает определенные предпосылки для их легализации. Отсутствие должной правовой регламентации криптовалютной сферы (в частности, путем лицензирования бирж,

торгующих ими) не соответствует как государственным (операции, осуществляемые с ее использованием, при условии вывода их из тени – это перспективный объект налогообложения и дополнительный источник экономического роста – за счет снижения транзакционных издержек [2, с. 138-147]), так и частным интересам, ибо владельцы криптовалюты (и прежде всего – инвесторы), участвуя в сделках, не обладающих определенным юридическим статусом, подвергают себя значительным рискам и при возникшем споре лишены законных средств защиты своих интересов. При этом, что особенно важно, остается неурегулированным включение такого объекта, имеющего безусловную экономическую ценность, в наследственную (ст. 1112 ГК РФ) и конкурсную массы (ст. 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]).

По причине новизны для законодателя общественные отношения, складывающиеся в условиях оборота криптовалюты, пока находятся вне правового поля в большинстве стран мира (многие международные регуляторы занимают выжидающую позицию, наблюдая за развитием криптовалютной индустрии и проверяя ее жизнеспособность). В противовес этому в меньшей части государств (преимущественно развитых) криптовалюта имеет легально установленный статус. Определение правовой природы цифрового актива носит экспериментальный и во многом дискуссионный характер, что обусловлено как сложностью и неординарностью анализируемого явления, так и определенными различиями в построении национальных систем права. Можно выделить (условно) три варианта решения данного вопроса.

В ряде развивающихся государств (Таиланд, Вьетнам, Эквадор, Боливия, Бангладеш) [4, с. 125] эмиссия и участие в обороте криптовалюты являются незаконными, что предопределено строгим законодательством (криптовалюту считают денежным суррогатом, поскольку она не обладает статусом единственно разрешенного законного средства платежа) и мотивировано государственными интересами (противодействием оттоку капитала, борьбой с финансированием терроризма). Существует и «половинчатый» подход. Так, Центральный банк Китая разрешает сделки с цифровым активом для частных лиц, но запрещает их для финансовых учреждений и не признает денежных свойств криптовалюты, определяя ее лишь как актив [5]. В стране введен запрет на проведение ICO¹ и деятельность криптовалютных бирж [6]. Однако наиболее распространен разрешительный гражданско-правовой режим, в рамках которого в законодательстве иностран-

ных государств криптовалюта отнесена к объектам гражданских прав разной природы: 1) приравнена к нематериальному имуществу/товару, является объектом права собственности и облагается двойным налогом (США (уровень федерального законодательства) [7], Великобритания [8]); 2) наделена статусом средства платежа/валюты и освобождена от НДС (Европейский Союз (рекомендательно) [9], Германия [10], Япония [11], Австралия [12], Беларусь [13]). При этом в настоящее время ни в одной зарубежной стране она не является *законным средством платежа*.

Таким образом, в мире накоплен весьма немалый объем нормативно-правовой базы, определяющей на основе разных подходов правовую природу криптовалюты и регулирующей сферу ее оборота. Причем идет активный, с каждым годом ускоряющийся процесс ее создания. Между тем Россия, являясь весьма перспективной страной для развития IT-технологий, в настоящее время находится на периферии данной общемировой тенденции: до сих пор не приняты законы, устанавливающие общие принципы регламентации области общественных отношений, связанной с использованием передовых информационных технологий и основанной на них криптовалютной индустрии.

Официальная позиция Российского государства по отношению к криптовалюте долгое время была крайне отрицательной, что закономерно – процесс выпуска цифрового актива, производимый частными лицами без санкции Центрального банка России, а также его оборот, осуществляемый в тени, не только посягают на государственную монополию в сфере эмиссии денег, но и являются неподконтрольными органам власти. Одним из первых было сообщение Центрального банка России от 27 января 2014 г., в котором главный регулятор предостерег граждан и юридические лица от использования криптовалюты в сделках, отметив, что при их проведении существует реальная возможность применения криптовалюты в отмывании нелегальных доходов и финансировании терроризма, что может рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций и, соответственно, уголовно наказуемо [14, с. 5-6].

Однако к настоящему времени отношение государственных органов к криптовалюте в значительной степени изменилось. С момента принятия Президентом РФ весной 2017 г. Указа «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [15] и утверждения Правительством РФ в целях его реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [16] решено создать обширную нормативно-правовую базу (более 50 законов), регулируемую сферу информационных технологий, в том числе платформы и проекты на основе технологии блок-

¹ *Initial coin offering*, (с англ. – «первичное предложение монет, первичное размещение монет») – форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалют, полученных разовой или ускоренной эмиссией.

чейн. В частности, планируется регламентировать ИСО и определить правовой статус криптовалюты. В мае 2018 г., в соответствии с данной программой, в первом чтении было принято три законопроекта, непосредственно затрагивающих криптовалютную сферу: № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием электронных платформ» [17]. В первом Проекте предлагается изменение ст. 128 ГК РФ посредством введения нового объекта гражданских прав – цифровых прав (юридический аналог токена), определяется понятие «цифровых денег» (обозначение криптовалюты), предполагается в перспективе (не уточняется, когда конкретно) придать криптовалютам статус платежного средства. Во втором – планируется внедрение в правовое поле основной криптовалютной терминологии (цифрового финансового актива, токена, криптовалюты, майнинга, смарт-контракта и др.), регламентируется обращение криптовалюты и токенов, а также эмиссия последних. В третьем – регулируется деятельность т.н. «инвестиционных платформ» и их участников. Проекты законов рассматриваются в едином «пакете», что сопряжено с необходимостью применения к ним системного подхода. Однако можно утверждать, что на текущий момент степень их согласованности находится на недостаточном уровне, они во многом противоречат как друг другу, так и существующему законодательству. Отметим, что руководитель рабочей группы Государственной Думы РФ по оценкам риска оборота криптовалюты Э.Л. Сидоренко опровергла суждение о распространенном использовании криптовалюты в поддержке терроризма: «Утверждения, что криптовалюта часто используется преступниками для финансирования терроризма – заблуждение. Самой ходовой валютой для этих целей был и остается наличный доллар. Заказные убийства, терроризм, продажа оружия, разбой, грабежи, преступные сообщества – мы там крипту не увидим, только наличные деньги» [18]. В итоге становится очевидно, что легализация криптовалюты в России неизбежна. Однако весьма неопределенным является вопрос о сроках полного принятия всех соответствующих законопроектов, поскольку в настоящее время в Государственной Думе РФ и экспертном сообществе отсутствует единый подход к определению их содержания, а сами они остаются без движения уже почти год. Считаем, что в данных условиях следует подвергнуть переосмыслению выработанные в доктрине положения о формах легализации криптовалюты с позиции их непротиворечия существующему законодательству, а также провести критический анализ положений законопроекта, предлагающего изменения в ГК РФ, с целью выявления и устранения противоречий в

его содержании. Необходимо отметить, что по причине новизны и неустойчивости рассматриваемого явления в отечественной цивилистике пока отсутствуют фундаментальные исследования на тему криптовалюты.

В российском гражданском законодательстве, согласно ст. 128 ГК РФ, выделяются четыре объекта гражданских прав: имущество (включает в себя вещи, а также *иное имущество*), действия, интеллектуальная собственность и нематериальные блага. По существу, законодателю необходимо решить следующую дилемму: применить аналогию права (п. 2 ст. 6 ГК РФ) и урегулировать криптовалюту в рамках уже существующей системы объектов гражданских прав либо выделить ее в качестве отдельного объекта. Первый путь – консервативный, требующий наименьшей законодательной проработки, второй – более прогрессивный, но сложный, поскольку связан с внесением *кардинальных* изменений в гражданско-правовую и смежные отрасли права. Исходя из содержания Проекта № 424632-7, законодатель пошел по второму пути.

Необходимо отметить, что криптовалюта не должна рассматриваться как явление, находящееся вне закона. Российское законодательство не содержит прямого запрета на ее использование в обороте, а потому, исходя из диспозитивного метода, она, бесспорно, является объектом гражданских прав, природа которого, однако, до сих пор ни в доктрине, ни в законе однозначно не определена. В этой связи не представляется разумным и обоснованным вывод Арбитражного суда г. Москвы, в котором он, руководствуясь прямым толкованием норм права, посчитал, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового поля на всей территории страны, исходя из чего решил не включать содержимое криптовалютного кошелька в конкурсную массу гражданина-должника [19]. В дальнейшем это решение было закономерно отменено Девятым арбитражным апелляционным судом (г. Москва), указавшим на отсутствие в гражданском законодательстве *закрытого перечня* объектов гражданских прав. Суд, применив аналогию права, посредством расширительного толкования отнес криптовалюту к иному имуществу [20], обязав должника передать доступ к криптовалютному кошельку, дабы пополнить его содержимым состав конкурсной массы. Таким образом, к настоящему времени сформировался определенный объем судебной практики, посвященной рассмотрению дел с использованием криптовалюты, что требует от законодателя скорейших действий по ее соответствующей легализации и регламентации.

Следует констатировать, что в рамках *действующей* редакции ГК РФ криптовалюта не может быть признана вещью (*юридическое определение* вещи в законодательстве отсутствует), так как не обладает

признаком материальности, традиционно признаваемым неотчуждаемым от вещи в отечественной доктрине гражданского права [21, с. 311], что также следует из смысла ст. 128 ГК РФ (в норме четко разграничиваются «вещи», имеющие телесный характер, и «иное имущество», обладающее нематериальной формой). Применение же к криптовалюте такого традиционного способа защиты вещных прав, как виндикационный иск имеет серьезные практические трудности, вызванные невозможностью принудительного отчуждения криптовалюты со счета правонарушителя, осуществляемого в обход воли такого лица.

По существу, с экономической, но не юридической точки зрения, самое очевидное и на первый взгляд правильное решение – это приравнять криптовалюту к деньгам, поскольку она выполняет часть их функций (средства платежа, обмена и накопления) в обороте. Причем в первую очередь возникает вопрос, возможно ли отнести криптовалюту к безналичным денежным средствам? Однако представляется, что, в соответствии с требованиями российского права, цифровой актив не может быть признан деньгами в силу ряда причин. Во-первых, деньги и денежные средства (наличные и *безналичные*, включая их разновидность – электронные деньги) создаются в результате эмиссии *банком* или иной кредитной организацией, имеющей *государственную лицензию*, а криптовалюта, как правило, выпускается децентрализованно посредством майнинга каждым пользователем сети *без санкции* соответствующих государственных органов. Во-вторых, в отличие от безналичных денежных средств, хранящихся на счете финансового посредника, информация о цифровом активе располагается в распределенной сети блокчейн, технические свойства которой исключают возможность и необходимость использования стороннего агента. В-третьих, криптовалюта не обладает обязательным для наличности признаком материальности, присущим также документарным ценным бумагам, не выступает в обороте (как деньги) всеобщим эквивалентом и не является средством погашения обязательств.

Кроме того, исходя из сущностного анализа, отметим, что безналичные денежные средства являются обязательственным правом (требованием) к конкретному субъекту – банку. Предоставляет ли криптовалюта подобные права своим обладателям? Полагаем, такое возможно лишь в случае, если признать, что каждый владелец биткойна имеет взаимные права и обязанности, установленные протоколами работы криптовалютной системы. Однако в данном варианте упускается из внимания то существенное обстоятельство, что такое «соглашение», заключенное автоматически между участниками криптовалютной сети, не является юридическим фактом, поскольку договор не может быть заключен

между неопределенным кругом лиц – криптовалюта функционирует в рамках мировой и трансграничной пиринговой расчетной системы, основанной на технологии блокчейн, а потому невозможно достоверно установить, кто и когда участвовал в сделке (иными словами, отсутствует обязанное лицо). Представляется, что исключением из данного утверждения могут являться гибридные токены-криптовалюты, выпущенные посредством *ICO* специально с целью привлечения внешних средств для развития проекта и выполняющие часть функций акций (не предоставляют своему обладателю полноценных корпоративных прав по управлению, но дают ему возможность получать прибыль соразмерно вложенным средствам, что, однако, пока не имеет юридического значения, поскольку не обязывает платформу выплатить деньги). Большинство же криптовалют, функционально выступающих в обороте в качестве средства платежа и обмена, не содержат в себе никаких обязательственных прав. С учетом сказанного становится сложно квалифицировать криптовалюту как безналичное денежное средство, а также как бездокументарную ценную бумагу, содержащую обязательство (отсутствует требуемое по ст. 149 ГК РФ конкретно определенное ответственное лицо, выпустившее их; кроме того, исключена возможность вести соответствующий централизованный реестр, так как ключевыми свойствами криптовалютной системы являются децентрализованность и анонимность), поскольку их правовая природа не совпадает.

По сходным причинам криптовалюта не может быть признана законным средством платежа – цифровой актив (как правило) выпускается децентрализованно и анонимно каждым пользователем сети, а не в результате эмиссии единым эмитентом – банком или иной кредитной организацией. Кроме того, в отличие от официальной денежной единицы и единственного законного средства платежа – рубля, обязательного к приему на всей территории страны (ст. 75 Конституции РФ; ст. 140 ГК РФ), криптовалюта не обеспечена принудительной силой государства и обладает стоимостью, определяемой в большей степени соотношением спроса и предложения на рынке. Согласно содержанию п. 1 ст. 1 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [22] криптовалюта также не подпадает под понятие иностранной валюты, ибо не является законным средством наличного платежа ни в одном государстве мира. Из вышеизложенного следует, что денежные обязательства, принятые на территории России, не могут быть выражены в рублях, сумма которых эквивалентна определенной сумме криптовалюты, поскольку согласно п. 2 ст. 317 ГК РФ такие обязательства должны исчисляться (наряду с обязательствами, изначально заключенными в отечественной валюте), исходя из курса либо иностранной валюты,

либо условных денежных единиц, которыми цифровой актив по причине правовой природы, отличной от денежной, не является.

Тем не менее высказывается точка зрения (С.П. Гришаев) [23], что криптовалюта, несмотря на специфику своей экономической природы, может быть признана электронными деньгами, поскольку обладает частью признаков, присущих данной разновидности денег. Действительно, применяя формальный подход, отметим, что согласно п. 8 ст. 3 ФЗ «О национальной платежной системе» [24], к таковым относятся: 1) учет информации о размере средств без открытия банковского счета; 2) обязательное использование электронного средства платежа (средства, позволяющего дистанционно передавать распоряжения оператору об изменении записей в базе данных). То есть с технической стороны и электронные деньги, и криптовалюта не имеют материального носителя, а их существование подтверждается наличием записей в виртуальной базе данных, доступ к которым обеспечивается посредством электронного средства платежа – в частности, в обоих случаях используются онлайн-кошельки и сервисы.

Однако криптовалюта не соответствует иным, на наш взгляд, более существенным признакам, указанным в законе. Во-первых, принципиальным отличием криптовалюты от электронных денег является то, что для появления криптовалюты у субъекта отсутствует необходимость предварительно предоставить фиатные денежные средства оператору в лице какой-либо финансовой организации – биткоин приобретается лицом самостоятельно либо в процессе майнинга, либо посредством гражданско-правовой сделки и имеет собственный номинал. Во-вторых, как ранее было отмечено, безналичные деньги в целом (и электронные деньги как их разновидность) по своей правовой природе являются обязательственным правом (требованием), каковых, как правило, не содержит криптовалюта. В-третьих, криптовалюта может быть использована не только для исполнения обязательств перед третьими лицами, но и выступать в качестве товара, свободно обмениваемого на специальных площадках (биржах, торгующих криптовалютой) на любой другой товар/валюту. В свою очередь электронные деньги не могут быть конвертированы в иную валюту, кроме национальной, так как имеют твердо установленный официальный курс, номинированный в рублях, и не являются товаром. Таким образом, поскольку легальная дефиниция электронных денег в настоящее время подробно регламентирована законом, а криптовалюта по своей экономической и юридической природе в значительной степени не соответствует указанным признакам, представляется разумным признать, что цифровой актив должен иметь иное, обособленное правовое регулирование, осуществляемое не в рамках законодательства об электронных деньгах.

На практике встречаются весьма неординарные позиции относительно правового статуса криптовалюты. Министром финансов РФ в октябре 2017 г. было сделано заявление, в котором указывалось, что криптовалюта является денежным суррогатом [25] – инструментом, выполняющим функции денег, но запрещенным законом. Так, в ст. 27 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [26] зафиксировано, что введение иных, наряду с рублем, денежных единиц, а также выпуск *денежных суррогатов* запрещены. Действительно, криптовалюта выполняет в обороте часть денежных функций (при этом главная функция денежного суррогата, в отличие от криптовалюты, – быть средством платежа). Однако, как было установлено ранее, данный цифровой актив обладает существенными отличиями от традиционных видов денег, а потому не может быть признан производным от них денежным суррогатом. Кроме того, несмотря на то, что легальное определение понятия денежного суррогата отсутствует в российском законодательстве, можно с уверенностью утверждать, что криптовалюта не соответствует признакам денежного суррогата, принятым в зарубежной правовой практике. Например, согласно абз. 10 ст. 1 Закона Украины «О Национальном банке Украины» [27], денежным суррогатом признаются любые документы *в форме денежных знаков*, отличающихся от денежных знаков Украины, *выпущенные в обращение не Национальным банком Украины и изготовленные с целью осуществления платежей* в хозяйственном обороте. В действительности же криптовалюта не овеществлена в виде наличных денежных знаков, так как не имеет физического носителя, – это актив, существующий в цифровом формате, наличие которого в материальном мире подтверждается исключительно криптографической записью в электронном средстве платежа. Таким образом, функционирование денежных суррогатов возможно только в сфере наличного денежного обращения, что исключает отношение к ним криптовалюты, обладающей признаком нематериальности. Российская судебная практика также признает за денежным суррогатом вещественные свойства (в деле с использованием «колионов» таковым были признаны лишь наличные знаки, а виртуальные, выпущенные на блокчейн-платформе, существуют и функционируют до сих пор), что подтверждает верность вышесказанного [28].

Полагаем, что правовая природа криптовалюты может быть определена исключительно с позиции ее функционального назначения в обороте, в котором она (обладая стоимостью, определяемой стоимостью той имущественной ценности, которую в обмен на нее готовы предоставить на рынке) выступает в качестве товара в цифровом формате. По мнению А.К. Чурилова, «процесс обмена биткоинов на товары следует рассматривать как заключение

между сторонами договора мены, а на услугу – смешанного договора с элементами купли-продажи и возмездного оказания услуг» [29, с. 99]. Дефиниция товара в российском законодательстве закреплена в п. 1 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» [30], исходя из которой он характеризуется двумя признаками: 1) является объектом гражданских прав; 2) предназначен для продажи, обмена или иного введения в оборот. Из указанных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав нематериальные блага неотчуждаемы и не предназначены для продажи или обмена в силу своей природы. Остальные объекты – вещи, иное имущество, результаты работ и оказания услуг могут выступать в обороте в данном качестве. Однако, как было доказано ранее, криптовалюта (в «чистом» виде), в соответствии с требованиями российского законодательства, не является вещью, деньгами (наличными, безналичными, электронными) и ценными бумагами (документарными, бездокументарными). Цифровой актив, как продукт функционирования программных протоколов, также не может быть интеллектуальной собственностью, являющейся результатом творческой деятельности человека.

На наш взгляд, в вопросе признания криптовалюты следует исходить именно из вещного (по существу, криптовалюта – это «бестелесная» вещь, характеризующаяся количественными и качественными параметрами, свойствами делимости и подвижности (способностью передачи ее другому лицу посредством транзакции), то есть родовыми признаками; при этом не исключено, что ее возможно индивидуализировать в рамках конкретного электронного кошелька и вернуть в натуре), а не обязательственного содержания прав владельца криптовалюты, поскольку логически подразумевается, что такой субъект обладает абсолютным правом требования к неопределенному кругу лиц не нарушать его прав владения (полученного на основании либо майнинга, т.е. создания новой вещи (п. 1 ст. 218 ГК РФ), либо гражданско-правовой сделки), что является неотъемлемым элементом права собственности. В существующей судебной практике также признается, что законный обладатель криптовалютного кошелька фактически «осуществляет полномочия, близкие к полномочиям собственника, предусмотренным ч. 2 ст. 35 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ» [20]. Представляется, что в данном случае право собственности следует понимать максимально широко, принимая за объекты права собственности как вещи, так и нематериальные объекты (М.А. Москалец) [31, с. 134-141], что, в свою очередь, исходит из расширительной интерпретации слова «имущество» в гл. 13 ГК РФ (Д.А. Братусь) [32, с. 23]. В частности, в п. 1 ст. 213 ГК РФ указано: «в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество». Обозначенный шаг обусловлен

тем, что товарный рынок в России и мире по мере развития экономических отношений все более становится обменом прав, а не вещей в их натуральном выражении. В большинстве случаев вещи следуют за правами, а не наоборот, при этом необязательно и даже нецелесообразно, чтобы юридическое понимание вещи было сведено строго к физической составляющей. Появление и функционирование «бестелесной» криптовалюты является лишь проявлением тенденции дематериализации гражданского оборота. А потому единственным законодательно закрепленным объектом гражданского права, потенциально способным вместить в себя особенности экономической природы цифрового актива, является категория иного имущества. Напомним, сходной позиции придерживается российская судебная практика, а также некоторые зарубежные юрисдикции (США, Великобритания), относящие криптовалюту к нематериальному имуществу. На похожем выводе основываются положения законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [33], в ст. 2 которого криптовалюта признается *имуществом* «в электронной форме», что распространяет на нее право собственности. При этом разумным видится приравнять правовой режим криптовалют к правовому режиму вещей (правда, с учетом их экономической и технической специфики), ибо действующее гражданское законодательство – это гибкий инструмент, позволяющий интегрировать данное явление в уже существующую систему правоотношений *без кардинальных изменений* в праве.

В свете вышесказанного следует обратить особое внимание на вариант определения правовой природы цифровых активов, предложенный в проекте ФЗ № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [34], в соответствии с которым планируется дополнить ГК РФ новым объектом гражданских прав – цифровыми правами. Вместе с тем, исходя из анализа содержания данного проекта, становится очевидно, что в случае его окончательного принятия в существующем виде образуется целый ряд концептуальных проблем. Несмотря на то, что в его положениях предлагается компромиссное решение, вводящее новый объект гражданских прав в рамках уже существующей категории иного имущества («иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)»), содержательное наполнение ст. 128 ГК РФ в данной части существенно и не совсем оправданно изменяется – руководствуясь формальной логикой, отметим, новая юридическая конструкция подразумевает наличие в бездокументарных ценных бумагах исключительно имущественных прав, что противоречит действующему законодательству (п. 1 ст. 142 ГК РФ) (в частности, акции, являясь бездо-

кументарными ценными бумагами, содержат также корпоративные права). При этом в Проекте закона текстуально не определено соотношение «цифровых прав» и «цифровых денег»; раскрытие понятия «цифровые деньги» не отражает экономическую сущность описываемого явления, а само его применение не соответствует Конституции РФ (ст. 75) и является нерациональным (на практике, как и в законопроектах, сопутствующих анализируемому, устоялась именно «криптовалюта»). Иными словами, текущая редакция законопроекта не соответствует элементарным требованиям юридической техники.

Кроме того, понимание цифровых прав в качестве *самостоятельного* объекта гражданских прав может являться нецелесообразным, поскольку, согласно определению, данному в законопроекте, они фактически объявляются электронной формой (способом) фиксации традиционных имущественных прав, а не принципиально новым *видом* прав. Вводится конструкция «права на право», когда признаются права на цифровой актив, который сам по себе также является правом на объекты гражданских прав, что противоречит сложившейся юридической практике. При этом содержание нормы в значительной степени повторяет описание бездокументарных ценных бумаг (п. 1 ст. 142 ГК РФ), что создает дублирующее регулирование рассматриваемой сферы и не совсем разумно (в ценных бумагах существует лицо, учитывающее владельцев, а для цифровых прав в большинстве случаев такой субъект отсутствует). Помимо этого, в отношении цифровых прав не устанавливается конкретного ограничения тех имущественных прав, которые они могут удостоверить (это позволяет фиксировать, например, право аренды), что является недопустимым. Полагаем, что такое решение может быть оправдано только в порядке правового эксперимента.

Однако ключевым недостатком рассматриваемого законопроекта, с нашей точки зрения, является то, что в его положениях отсутствует целостный, проработанный механизм регулирования нового объекта гражданских прав в аспектах его приобретения, отчуждения, порядка налогообложения, правового статуса его владельцев (права, обязанности, ответственность), а также возможности обращения судебного взыскания на цифровые права и способов их защиты. Последнее является особенно значимым, поскольку действующая редакция ст. 12 ГК РФ не предусматривает достаточных способов защиты таких прав – вещно-правовой виндикационный иск в традиционном виде к ним трудноприменим, как и иные установленные в норме способы защиты. Подобное можно утверждать и в отношении кондикционного иска (ст. 1102 ГК РФ) и иска о возмещении вреда (ст. 1064 ГК РФ). На данный момент правопорядок не в состоянии обеспечить надлежащую защиту такого права от посягательств третьих

лиц, поскольку фактически невозможно принудить незаконного владельца криптовалюты помимо его воли вернуть приобретенное в натуре, равно как и обратить взыскание на содержимое криптокошелька гражданина-должника, включив его в конкурсную массу, – приватный ключ от такого кошелька известен лишь его владельцу, а технические свойства системы блокчейн исключают внешнее вмешательство. Таким образом, считаем, что законодателю необходимо проработать и включить в положения Проекта закона специальные способы защиты цифровых прав, прежде чем окончательно его принять.

Обобщая вышеизложенное, еще раз отметим, что с позиции действующего законодательства, доктринальных положений и судебной практики наиболее рациональным решением является признание вещного содержания прав владельца криптовалюты и отнесение последней к *иному имуществу*. При этом правовое регулирование цифрового актива следует осуществлять в рамках правового режима вещей, так как отношения с использованием криптовалюты вполне охватываются существующей системой гражданского права. Полагаем, что проект ФЗ № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» требует серьезной доработки и прежде всего в аспекте механизма защиты вводимого объекта гражданских прав, так как легальное признание такого объекта, обладающего особой экономико-правовой природой, должно быть сопряжено в первую очередь с возможностью его надлежащей правовой защиты.

Литература:

1. Hileman G., Rauchs M. Global Cryptocurrency Benchmarking Study. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2965436> (дата обращения: 03.02.2019).
2. Пинская М.Р., Цаган-Манджиева К.Н. Налогообложение доходов от деятельности, связанной с криптовалютами // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 138-147.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. – 4190; 2018. – № 32 (ч. II). – Ст. – 5115; 2018. – № 52. – Ст. – 8102.
4. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 116-129.

5. China's Central Bank Governor: PBOC Won't Ban Bitcoin. – URL: <https://www.coindesk.com/chinas-central-bank-governor-pboc-wont-ban-bitcoin> (дата обращения: 03.02.2019).
6. Центробанк Китая запретил ICO. – URL: <https://www.rbc.ru/money/04/09/2017/59ad1d529a79474e01c39333> (дата обращения: 22.01.2019).
7. IRS to Tax Digital Currencies as Property, Not Currency. – URL: <https://www.coindesk.com/internal-revenue-service-treat-digital-currencies-property> (дата обращения: 22.01.2019).
8. Tax on cryptoassets. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/tax-on-cryptoassets> (дата обращения: 22.01.2019).
9. The exchange of traditional currencies for units of the 'bitcoin' virtual currency is exempt from VAT. – URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf> (дата обращения: 30.12.2018).
10. Umsatzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist. – URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/BMF_Schreiben/Steuerarten/Umsatzsteuer/Umsatzsteuer-Anwendungserlass/2018-02-27-umsatzsteuerliche-behandlung-von-bitcoin-und-anderen-sog-virtuellen-waehrungen.html (дата обращения: 30.01.2019).
11. Virtual money poses accounting dilemma for Japan's early adopters. – URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Trends/Virtual-money-poses-accounting-dilemma-for-Japan-s-early-adopters> (дата обращения: 01.02.2019).
12. Budget 2017 – Fact Sheets. – URL: https://www.budget.gov.au/2017-18/content/glossies/factsheets/html/FS_innovation.htm (дата обращения: 08.10.2018).
13. Декрет от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». – URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 08.08.2018).
14. «Информация об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. – 2014. – № 11. – С. 5-6.
15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
16. Распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.
17. Госдума приняла в первом чтении законопроекты о криптовалютах. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5b043b4a9a7947807c2bd866> (дата обращения: 08.10.2018).
18. Сидоренко Э. В России нужно просвещение по криптовалютам. – URL: <https://bits.media/elina-silorenko-rasskazala-o-sushchestvovanii-kriptoalyuty-v-rossii/> (дата обращения: 09.11.2018).
19. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17-71-160Ф // СПС КонсультантПлюс.
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС КонсультантПлюс.
21. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
22. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 25.12.2018) // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859; 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8411.
23. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС КонсультантПлюс.
24. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 28.11.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872; 2018. – № 32 (ч. II). – Ст. 5115.
25. Силуанов: криптовалюта не сможет заменить рубль в России. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4686162> (дата обращения: 11.12.2018).
26. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790; 2018. – № 32 (ч. II). – Ст. 5115.
27. Закон Украины от 20.05.1999 № 679-XIV «Про Національний банк України» (ред. от 07.02.2019) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1999. – № 29. – Ст. 238; 2018 – № 30. – Ст. 239.
28. Решение Егорьевского городского суда от 01.07.2015 г. № 2-1125/2015 2-1125/2015~М-666/2015 М-666/2015 по делу № 2-1125/2015. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yrPRvAeFbQQZv/> (дата обращения: 09.02.2019).
29. Чурилов А.К. К вопросу о правовой природе криптовалюты // Хозяйство и право. – 2016. – № 9. – С. 93-99.
30. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434; 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8498.
31. Москалец М.А. Субъективные права и объекты права собственности // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 2 (8). – С. 134-141.
32. Братусь Д.А. Институт «бестелесных вещей» в гражданском праве // Юрист. – 2004. – № 2. – С. 21-23.
33. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.05.2018 № 4030-7 ГД «О проекте федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // СЗ РФ. – 2018. – № 22. – Ст. 3108.

34. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.05.2018 № 4032-7 ГД «О проекте федерального закона № 424632-7

«О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 22. – Ст. 3110.

Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in the Legislation of Russia and the Number of Foreign Countries

Gavrilov V.N., Rafikov R.M.
Saratov State Law Academy

The article deals with the problems of determining the place of cryptocurrency in the system of civil rights objects. Based on the analysis of foreign and domestic legislation, doctrinal provisions and the Russian judicial practice, the authors come to the conclusion about the most appropriate classification of cryptocurrency (on the basis of its functional purpose) to the category of «other property». It was revealed that one of the key shortcomings of the draft Federal Law №. 424632-7 «On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation» is the lack of sufficient protection of the introduced civil rights object – digital rights in the current Russian civil legislation, which requires improvement and additional clarification in the Civil Code in the event of the final adoption of the Bill.

Key words: cryptocurrency, bitcoin, civil circulation, legal nature, objects of civil rights, , money, means of payment, items of property, property, good, digital rights.

